

Посвящается Фрэнсис Коуди

Из прошлого восставши, молчаливо
Ко мне навстречу тень моя идет.

АННА АХМАТОВА

5 АПРЕЛЯ 2019 ГОДА **УТРО**

В этот ранний час Ист-Ривер окутана тонкой полупрозрачной пеленой, глянцево-стальной оболочкой, которая плывет как будто над поверхностью воды, тем временем меняющей цвет: ночная чернота переходит в густо-зеленую муть уже близкого дня. Огни Бруклинского моста блекнут на фоне неба. Мужчина поднимает рольставни над входом в обувную мастерскую. Девушка с хвостиком пробегает трусцой мимо другого мужчины средних лет в маленьком черном платье и солдатских ботинках, наконец-то идущего домой. Светятся редкие окна, яркие, как и четвертинка луны.

Так и не сомкнувшая глаз Изабель в безразмерной футболке — ей чуть ли не по колено — стоит у окна своей спальни. Девушка с хвостиком пробегает мимо мужчины в платье, тот тем временем вставляет ключ в замок подъездной двери. Обувщик поднимает стальную решетку — скоро откроет мастерскую. И чего он так рано? Кто, скажите на милость, придет обувь чинить в пять утра?

Весна подает уже первые робкие знаки. Серебристый клен под окном Изабель (дерево, согласно Гуглу, “сорное, с поверхностной корневой системой”)

выпустил крепкие почечки, которые прорвутся скоро пятизубыми листьями, ничем не примечательными до тех самых пор, пока не всколыхнет порывом ветра их серебристые изнанки. На окне в доме напротив стоят нарциссы в стеклянной вазе. Зимний свет, потускневший, застывший на долгие месяцы, разгорается ярче, будто снова запущен ток воздушных частиц.

В начале апреля календарная весна в Бруклине, может, и наступила, но настоящей — с оттенками зелени, пробуждением стеблей с побегами — еще не одну неделю ждать. Почки на дереве — пока только плотные наросты, готовые вскрыться. А появление нарциссов в окне напротив означает лишь, что их теперь можно купить в магазине на углу, что их уже привозят оттуда, где они растут.

Отвернувшись от своего окна, Изабель глядит на Дэна, который все еще крепко спит, тяжело дыша, похожий в забытии на ребенка (с поправкой все же на свои сорок лет), — рот его приоткрылся, обесцвеченные волосы белеют в сумраке.

Можно ведь спать вот так, ты подумай! Способности Дэна ко сну внушают ей зависть и в то же время — признательность. Пока он и дети спят, она, чей сон — пугливый, с вкраплениями сновидений — чаще всего сводится лишь к попыткам уснуть, все равно что одна в квартире и в ночном уединении погружается в свои грезы, размеченные лишь зелеными цифрами светодиодных кухонных часов.

Опять повернувшись к окну, она видит сову. Сначала кажется, что это просто утолщение на суку. Расцветка совиных перьев и пятнистой серо-бурой

коры совпадает почти точь-в-точь. Изабель, может, и вовсе бы не заметила сову, если бы не ее глаза — два черно-золотых диска размером с мелкую монетку: пристальный блеск и ничего человеческого. На секунду чудится, что само дерево, и именно теперь, решило сообщить Изабель: я все вижу, все осознаю. Сова, крохотная, с садовую перчатку, вроде бы глядит на Изабель, так кажется сначала, однако, подстроившись под птичий взгляд, та понимает, что сова не на нее глядит, а просто в ее сторону, созерцает ее, не отделяя от комнаты, как и прикроватную тумбочку с погашенной лампой и номером “Атлантика” за прошлый месяц, как и стену со снимком детей в рамочке — профессиональным, черно-белым, на котором они так с виду послушны и настораживающе невинны. Нацелив немигающие, как у кошки, глаза за оконное стекло, сова видит все в общем, не отличая, похоже, Изабель от лампы или снимка — невдомек ей да и все равно, что Изабель живая, остальное — нет. Мгновение обе не двигаются с места, сомкнувшись взглядами, а потом сова вспархивает, да так легко, вроде бы и крылом не взмахнув, просто согласившись подняться в воздух. И, описав дугу, исчезает. Ее отлет — как отречение, будто на дереве за окном сова возникла по ошибке, непреднамеренно прорвав ткань возможного, тут же ловко восстановленную. Изабель уже кажется, что сова ей просто пригрезилась, и это было бы неудивительно, ведь нынче ночью она так и не уснула (обычно удается хоть на пару часов), а между тем вот-вот навалятся трудности нового дня (Робби так и не нашел себе квартиру, Деррика от пересъемки не отговорить), и придется ей во всем

этом участвовать, собраться и как можно убедительней изображать из себя человека, способного выполнить все, что требуется.

Сова исчезла. Бегунья побежала дальше. Мужчина в платье зашел в подъезд. Один обувщик остался, зажег в мастерской люминесцентную лампу, освещающую лишь пространство за стеклом витрины, не подсвечивая заодно и улицу. Изабель неизвестно, затем ли обувщик, с которым она ни разу не разговаривала (поскольку чинит обувь в Мидтауне), открывается так рано, чтобы сбежать из дома, от затянувшейся семейной распри, или ему просто не терпится вновь оказаться в этом квадратике света, просто очень нравится зажигать голубую неоновую вывеску “Обувная клиника” (надо непременно начать чинить обувь у него, думает Изабель, уже только из-за одного этого названия) и заводить метровое чучело в витрине — выцветшего на солнце то ли енота, то ли лиса, сидящего за сапожным верстаком, поднимая и опуская молоточек, который возвещает теперь, когда обувщик включил электричество и вывеска “Обувная клиника” засветилась голубым неоном, а неизвестный зверь опять принялся за работу, начало нового дня.

Будь Вульф настоящим, все вокруг этого не-уловимого персонажа и вертелось бы. Он был бы энергичным парнем, окруженным друзьями, к которому на вечеринке не поступишься, мускулистым незнакомцем, размашисто выходящим, мелькая в толпе, из поезда метро, принцем, способным все исправить одним поцелуем, если только он отыщет в лесной чаще хрустальный гроб, а в нем тебя, впавшую в кому.

Все подписчики Вульфа, коих 3407, думают о нем примерно одно. Он, как видно, из тех, кто не только получает, что хочет, но и хочет того, что получает. Непрерывным хроникам его повседневности подписчики ставят лайк. Лайк — его собольиной щетине и нестандартной привлекательности. Он и фантастичен, и доступен одновременно — обычный парень, только громкость у него слегка прибавлена и свет горит вовсю. Этот симпатия доведет дело до конца, он не бросит, он разглядит в тебе то самое, твою... сущность, которая ускользает, кажется, от внимания других или со временем перестает их интересовать.

Вульф очарован великолепием твоей персоны. Ему около тридцати. Он готов брать на себя обяза-

тельства. Быть красивой всех вокруг ему нет нужды, зато он, как правило, притягательней всех, хочет того или нет. Что-то такое от него исходит. Однако Вульф лишен тщеславия. Он сексуален пока еще — жмет 90 килограммов, не догадывается, выходя из душа, как красиво в этот момент унизаны капельками воды его кудри, не отмечает в раздевалке парней, отмечающих в свою очередь его грудные мышцы и пресс, и не питает преждевременных сожалений о будущем, когда станет близоруким и наберет лишний вес, — он хороший врач и добросовестно лечит пациентов в ожидании вечера наедине с тобой и никем другим, и только этого желает, только в этом нуждается. Подписчики и его профессии ставят лайк, а он педиатр в бесплатной поликлинике, последний год ординатуры. Лайк его съемной квартире в Бруклине, соседке Лайле и их общей питомице Арлетт — недавно взятой из приюта помеси бигля с кем-то там. Лайк намекам, напрямую, впрочем, ни разу не подтвержденным, что были у него бойфренды, но как-то ни с кем не сложилось, и теперь он в ожидании новой любви, хотя особенно с этим не спешит. Он жизнерадостно девственен, хоть и во многих постелях перебивал. Кто знает, сколько подписчиков в него влюблены и не сомневаются, что оказались бы теми самыми долгожданными избранниками Вульфа, доведись им только повстречаться.

Слишком обширный вопрос, чтобы задаваться им в такую рань, а ведь Робби еще надо прочесть с десятка сочинений шестиклассников по истории на тему “Как, по-вашему, туземцы восприняли появление Колумба?”.

Обдумывая первый на сегодня пост Вульфа, Робби заваривает кофе, глотает по таблетке паксила с аддераллом и останавливается под квадратом светлеющего серого неба, виднеющегося в самодельное мансардное окно — новшество это привнес один из прежних жильцов. Окно и правда впускает в мансарду больше света, вот только течет, как его ни закупоривай. Даже сейчас одинокая капля воды, небесно-яркая, дрожит в его левом верхнем углу. Роса, а может, конденсат, кто знает. Дождя давно уже не было.

Вода вторгается в квартиру отовсюду: кран в ванной вечно течет, в бороздке на полу под раздвижной стеклянной дверью, ведущей на пожарную лестницу (дверь эта, без сомнения, дело рук все того же пусть и неумелого, но исполненного благих намерений бывшего жильца), после малейшего дождя образуется болотце. Будь Робби больше склонен к мрачному романтизму, счел бы, пожалуй, это беспрестанное истечение воды следами горестей, постигших первых обитателей этой мансарды — каких-нибудь юных ирландок, бежавших в Америку от голода, и для того лишь, чтобы тут добиваться места горничной, а ведь в Дублине они были бы нарасхват, ведь о них говорили: *Через год-другой найдет себе жениха*. Предполагалось, что и за эти две сырые комнаты на чердаке в Бруклине они должны быть благодарны.

Робби — последний в череде людей, считавших, в отличие от давно покойных ирландок, эту тесную сырую нору подарком судьбы. Кто, интересно, из недавних его предшественников был столь оптимистичен, что, стремясь впустить сюда свет, недооценил